

С. Потрашков

*Польские военнопленные периода
наполеоновских войн (1812—1815 гг.)
в Харькове и губернии*

*S. Potraszko, Polscy jeńcy wojenni z czasów wojen
napoleońskich (lata 1812—1815) w Charkowie i guberni
charkowskiej*

В государственном архиве Харьковской области, в фонде Канцелярии губернатора хранится значительное количество дел, касающихся военнопленных. Содержащиеся в них сведения позволяют воссоздать картину пребывания солдат Великой Армии на территории губернии в 1812—1814 гг.

Точную дату появления военнопленных поляков на Харьковщине определить затруднительно, так как часть документов относящихся к концу 1812 года утрачена. Из сохранившихся финансовых ведомостей видно, что с июля 1812 года отпускались средства на содержание 4-х «шляхтичей» [1]. Ни их имен, ни званий нам в документах обнаружить не удалось. Вероятно «шляхтичи» были штатскими лицами, интернированными в качестве подданных враждебной державы.

Д.И. Багaley указывал, что первые поляки появились в Харькове в период наполеоновских войн. Сюда они были высланы из западных губерний Российской империи как «повлекшие по своим качествам на себя немалое сомнение ко вреду общего спокойствия» [2]. Очевидно, речь шла именно об этих «шляхтичах».

В сентябре в Харьков был прислан бригадный генерал Грациан Ферье – офицер Почетного легиона, командор Королевского ордена Обеих Сицилий, служивший начальником штаба у неаполитанского короля [3]. С ним прибыл слуга – поляк-егерь Томаш Фленский. Продолжительное время Ферье и его слуга оставались единственными пленными, поселенными в губернском городе. В апреле 1813 г. к ним присоединились польский бригадный генерал Доминик Дзевановский, его адъютант Клиховский, полковник Михаил Сур и подполковник Рогивский [4]. В мае – поручики Ольшевский и Катович. С этого времени количество военнопленных, присылаемых на жительство в губернию, неуклонно возрастает. В конце мая их было

23 человека, в июне – 112, июле – 139, августе – 159, сентябре – 178, ноябре – 195, декабре – 208 человек [5].

В октябре 1812 г. русские власти приняли решение перевести военнопленных поляков из всех губерний на Кавказ, в крепость Георгиевск. Примерно 4000 из них должны были проследовать туда через территорию Слободско-Украинской губернии [6]. Численность «транзитников» действительно оказалось внушительной. По нашим подсчетам через губернию проследовало в мае 1813 г. 356 чел., июне – 860, июле – 254, августе – 1525, сентябре – 1242, октябре – 1163 человека [7].

В первые месяцы 1814 года количество военнопленных размещенных на жительство в Харьковской губернии существенно не изменилось. На начало апреля их было 225 человек, в том числе французов – 5, австрийцев – 2 и поляков – 218 [8].

Прежде всего, необходимо выяснить, куда попали военнопленные, то есть – что представлял собой Харьков и его окрестности в ту далекую эпоху. В начале XIX века губернский центр был не самым большим городом губернии. По числу жителей обоего пола (в 1812—1814 гг. их было немного больше 12 тыс.) он уступал уездным Ахтырке и Валкам и лишь чуть превосходил Сумы и Лебедин [9]. Впечатление, которое Харьков производил на приезжих, нельзя было назвать благоприятным. «Улицы в нем, – писал современник, – неправильные, не мощеные, грязные; хороших домов, исключая 2 – 3, не находится, а построения сделаны или из мазанок, или из брусьев, и оный нимало на великороссийский город не походит...» [10]. Харьков был в то время крупным торговым центром юга России, здесь проходили в год 4 ярмарки и многочисленные торги. Поэтому «возы и лошади во все сии времена стоят по площадям и улицам, а от сего не только все улицы, но и площади так упавожены, что от несносной пыли в сухое время с великою трудностию по ним ходить можно, а в мокрое, по причине невероятной грязи, проходить нет никакой возможности» [11]. Сильная загрязненность имела следствием высокую смертность среди горожан. В интересующие нас годы она превышала 7 % их численности [12]. Забегая вперед отметим, что, к счастью, последнее обстоятельство минуло военнопленных, вероятно по причине того, что большая часть их размещалась в уездных городах, а максимальное количество пленных в губернском городе едва превышало сотню человек [13].

Надзор за содержанием и поведением военнопленных был возложен на губернские власти в лице губернатора И. И. Бахтина, харьковского полицеймейстера фон Эка, командира местного гарнизонного батальона подполковника Н. Шарапова. В своих действиях эти чинов-

ники руководствовались инструкциями, поступавшими от Главного командующего в С.-Петербурге и управляющего Министерством полиции С. К. Вязьмитинова. Эти инструкции жестко регламентировали все стороны жизни военнопленных. Так, циркуляр от 5 декабря 1812 г. обязывал губернатора «предписать гг. городничим тех городов, где они находятся будут, иметь их под неослабным надзором полиции и не позволять им никакой ни с кем переписки, с тем, чтобы все на их имя получаемые и от них на почту отправляемые письма были непременно доставляемы для рассмотрения к вашему превосходительству» [14].

Другой циркуляр, от 16 декабря, касался содержания военнопленных. «Содержание пленных, при определенном им жизненном пространстве, продовольствии и одежде, должно более всего быть осторожнее со стороны их жилищ и сообщения с обывателями как при следовании в пути, так и при водворении в местах назначенного им пребывания. Пленные для общей безопасности, в рассуждении нанесения болезни, не должны с жителями иметь никакого близкого сообщения...» [15]. Таким образом, в соответствии с вышеприведенными и другими указаниями из столицы, военнопленные обречались на изоляцию как от внешнего мира так и от контактов с местными жителями.

Особую заботу российские власти проявляли о снабжении пленных одеждой, соответствующей времени года. Этому был посвящен циркуляр от 19 ноября 1812 г., содержавший положение об одежде и обуви для «проводимых до мест назначенного пребывания пленных в зимнее время». Согласно документу, пленных полагалось снабдить шапкой из простого сермяжного сукна, овчинным полушубком, сермяжным кафтаном, такими же штанами, рубашкой, онучами, рукавицами и лаптями. Инструкция «поставляла в обязанность» губернатору «сколько возможно употребить хозяйственных способов, таким образом, чтобы и одежда им доставляема была прочная и от стужи сберегающая; а в то же время и интерес казенной соблюден». Очевидно, в целях соблюдения «казенного интереса» допускалось, чтобы предметы верхней одежды могли быть «хотя бы и не новые, но крепкие, к носке годные и просторные» [16].

Несмотря на повеление императора, возложившего ответственность за «снабжение одеждою приличною времени года» на «губернатора той губернии в которую с самого начала партия пленных вступает», немало их продолжало поступать в Слободско-Украинскую губернию не имея подходящей одежды. Положение усугублялось еще и тем, что многие пленные, получая мизерное содержание, не были в состоянии приобрести одежду за свой счет. Так, «польской службы

уланского полку» подпоручик Александр Монастырский, в прошении на имя губернатора жаловался, что претерпевает «в одеянии себя крайность, дабы от зимнего холоду не получить в здоровье повреждения, и могущих последовать болезней, ибо я с получаемых ныне на день 50 копеек денег одеть себя не могу» [17]. В качестве разового вспомоществования таким лицам, в октябре 1813 г. правительство распорядилось выдать пособие в сумме 100 руб. на человека. До марта 1814 г. в Слободской губернии им воспользовались 178 человек [18].

Среди причин, по которым пленные терпели лишения были нераспорядительность, а порой и злоупотребления со стороны чиновничества, ответственного за их обеспечение всем необходимым. Упомянутый подпоручик Монастырский объяснял свое бедственное положение тем, что ему не додали полагающееся жалование в пору пребывания в Смоленской губернии. Другой поляк – поручик Ильинский – жаловался на начальника конвоя, который присвоил часть его денег.

Порой власти проявляли заботу не только о материальной стороне жизни пленных, но и о духовной. Обер-прокурор Святейшего Синода А. Голицын в августе 1813 г. запрашивал губернатора о количестве и национальности содержащихся здесь пленных с целью снабдить их книгами Ветхого и Нового Заветов на французском, немецком, итальянском и голландском языках от Санкт-Петербургского Библейского общества [19].

Между тем, забота о душевном состоянии военнопленных была не лишней. Тяготы отступления, долгое пребывание в плену, вдали от друзей, родственников, вообще соотечественников, вынужденная бездеятельность «людей войны», к каковым, вероятно, относилось большинство пленных, приводило порой к нервным расстройствам, влиялось в повышенную агрессивность в отношении окружающих.

В сентябре 1813 г. слуга генерала Ферье Дитболон «впал в распутство и начал делать беспорядки до такой степени, что господин Ферье не мог уже далее иметь его при себе». «Беспорядки» заключались в том, что Дитболон «отрубил саблею пальцы крестьянину прапорщика Шестопалова», за что попал под суд, и генералу потребовался новый служитель [20].

Ахтырский городничий жаловался на поднадзорного 37-летнего поручика Юзефа Кемпинского, который своим поведением вызывал неоднократные жалобы товарищей по несчастью и местных жителей. Его часто замечали в нетрезвом виде. В июле 1813 г. он затеял ссору с одним пленным офицером, закончившуюся поединком, за что попал под суд. Но неугомонный Кемпинский в декабре затеял новый поеди-

нок, с другим из своих товарищей. Очевидно, окончательно рассорившись с соотечественниками, Кемпинский обратился с просьбой о принятии его в российское подданство. Получив отказ, он стал просить о переводе в Харьков, т.к. другие пленные «в свое сообщество не принимают и при всякой встрече стараться оказать ему многие неприятности и недоброты, а еще и более он опасается потерпеть от них, когда узнают о неисполненном его желании». Ахтырский городничий был не прочь избавиться от беспокойного поляка. Он писал губернатору: «Предвижу содержание его в подведомственном мне городе между людьми, с коими он во вражде, неудобным». Губернатор приказал перевести Кемпинского в Лебедин [21].

Но и в этом уездном городе было неспокойно. В феврале 1814 года оттуда поступила жалоба польских офицеров на пятерых своих товарищей «которые не только своей собратии навлекают стыд и поношение будучи всегда в пьянстве и драках...» [22].

Издавна Слободская Украина пользовалась привилегией вольного винокурения. Этот промысел занимал второе за земледелием место в занятиях населения. Обилие дешевого и легкодоступного спиртного привело к тому, что пьянство и пьяные дебоши среди военнопленных стали весьма распространенным явлением. «Беспрестанно обращались в пьянстве» и упомянутый Ю. Кемпинский, и содержащийся в Купянске Юзеф Баневский, капитан Петр Шервинский из Лебедина и многие другие, чьи имена мы не приводим из-за недостатка места. А в Волчанске неумеренное употребление горячительных напитков привело к курьезному инциденту, одним из виновников которого стал пленный поручик Франциск Рутковский. В один из дней начала июля 1813 г. в трактире, где он, очевидно, был завсегдатаем, Рутковский повстречал отставного поручика Кияницына, «где бывши в пьяном образе один другому противоречили в неверных их разговорах». Выставленные из трактира, собутыльники «разошлись с неудовольствием». После чего, вернувшись на квартиру, Рутковский сообщил товарищам, что намерен идти к городничему и объявить Кияницына шпионом, что и сделал, нимало не смущаясь тем обстоятельством, что было 2 часа ночи. Городничему уже доложили о пьяных похождениях Кияницына и Рутковского, и он не велел пускать последнего. Тогда поручик стал угрожать бить окна. В результате он был схвачен и посажен под арест, а утром отпущен с предупреждением, что нельзя пьяному ходить ночью. Рутковский тут же написал жалобу губернатору на действия городничего. Губернатор отвечал, что «никакого удовлетворения» сделать не может, а городничему поручил передать

Рутковскому «чтобы он как от обращения в ночное время, так равно и от подачи подобных не дельных просьб воздержался под опасением строгого взыскания» [23].

Примерно в то же время в канцелярию губернатора поступила жалоба польских офицеров Марчевского и Урбанского на доставившего их в Харьков поручика Белявского, в том, что он «в продолжение пути поступал с ними не так, как прилично с обер-офицерами», а именно: вязал им назад руки и сажал в колодки [24]. От Белявского были потребованы объяснения и он сообщил, что Марчевский и Урбанский в г. Минске разбили главное караульное помещение и были посажены на гауптвахту, где побили стекла и «караульного офицера брали за груди». В Чернигове Урбанский грубил начальнику партии «и называл дураком», будучи пьяным, военнопленному капитану Опалинскому «нанес обиду» – порвал рубаху и вызывал на поединок, подпоручику Бажанку чубуком разбил лоб до крови, поручику Бобчинскому подбил глаз. Наконец, уже на Харьковщине в с. Дергачи, оба офицера «учинили бой» хозяину квартиры, где остановились на отдых, в связи с чем Белявскому пришлось заплатить за ущерб 2 рубля [25].

Случались, хотя и редко, побеги военнопленных. В июне 1813 г. из партии польских пленных в 240 человек, направлявшейся в Георгиевск, бежало 3 человека. Вскоре все они были отысканы – один в Ахтырке, двое в Богодухове. В Ахтырке были обнаружены еще 6 человек, которые объявили, что находятся здесь в услужении у своих товарищей [26].

За попытку побега военнопленным грозила отправка в отдаленные города Сибири [27]. Тем не менее, их решимость на подобные отчаянные поступки, вероятно, объяснялась желанием оказаться в компании соотечественников. Этот мотив вообще характерен для поведения пленных. Весной 1814 года польские офицеры, содержащиеся в г. Изюм, обратились к властям с просьбой назначить им служителей из числа военнопленных, конвоируемых через Изюм в Георгиевск. Вероятно, ими руководило желание облегчить участь товарищей, отправляемых на далекий и дикий Кавказ. В просьбе было отказано – «не имея на такой случай предписания от главного начальства» [28].

Главным источником существования пленных было выделяемое казной жалование. Стремясь сократить эту статью расходов, а также извлечь некоторую выгоду из наличия большого числа пленных, российские власти выказывали намерение использовать их труд в народном хозяйстве и даже привлечь к службе в армии [29]. Фактов использования военнопленных на каких-либо работах в казенных учреждении

ях или предприятиях Слободской губернии нами по архивным данным не обнаружено. Исключение составили медики. В октябре 1813 года губернатор предписал Слободско-Украинской врачебной палате и харьковскому полицеймейстеру трех польских лекарей: Фердинанда Вагнера, Симона Свитковского и Станислава Романовского, «так как они на сие звание их никаких документов не имеют», направить во врачебную управу, где «сделать им надлежащее испытание знают ли практику в лечении...» В ходе экзамена выяснилось, что «Вагнер сведущ довольно в производстве врачебной практики а Свитковский посредственно». В январе оба лекаря были отправлены на жительство в Волчанск, причем Вагнеру было дозволено «производить по городу практику и заниматься пользованием больных в городской больнице». В Харькове с октября 1813 г. практиковали два других польских врача – Северин Лашкевич и Федор Гушпека [30].

Документы канцелярии Слободско-Украинского гражданского губернатора, освещающие разные стороны жизни военнопленных наполеоновской армии, позволяют сделать вывод о том, что, проявляя заботу о материальной стороне быта военнопленных, власти оставались глухи к ходатайствам, касавшимся контактов военнопленных как с внешним миром, так и между собой. Запрет переписки, ограничение контактов, обрекало военнопленных на изолированное положение, что для многих из них служило источником душевных страданий. Следует заметить, что, находясь на содержании государства, подавляющее большинство пленных не имело необходимости обеспечивать себя работой, да, вероятно, и не знало никакой иной профессии, кроме военной. Вынужденное безделье в провинциальной глуши, отсутствие связи с внешним миром, ограниченные контакты с товарищами, доступность и дешевизна спиртных напитков формировали то морально-психологическое состояние, которое приводило к фактам неадекватного, в том числе и агрессивного поведения военнопленных.

В мае 1814 года, в связи с окончанием военных действий, начинается процесс репатриации пленных. В конце мая 1814 г. из Харькова в Белосток была отправлена партия поляков в составе генерала, его адъютанта, 13 офицеров и чиновников и 8-ми их служителей [31]. В июле из Ахтырки в Белосток отбыла и первая партия солдат Данцигского гарнизона. Летом через губернию потянулись домой поляки с Кавказа. Их отправляли партиями по 200 человек: «тех, кто из прусских владений – в Белосток, из Галиции – в Радзивиллов, тех, которые из российских губерний – к начальникам оных». До конца августа 1815 года через губернию проследовали 32 партии военнопленных, суммарная численность которых, из-за неполноты архивных документов, не поддается точному учету [32].

Некоторые из проживавших в губернии пленных изъявили желание стать российскими подданными. Любопытно, что в августе 1813 г., когда уездным городничим было поручено опросить пленных на предмет смены подданства, желающих не нашлось. Исключение составил только подпоручик Юзеф Кемпинский. Но поскольку этот офицер имел дурную репутацию пьяницы и дебошира, и даже состоял под судом за поединок с товарищем, ему было отказано. По мере приближения конца войны, очевидно понимая, что карьера в польской армии окончена, некоторые пленные переменили отношение к вопросу о гражданстве. В декабре 1813 г. подпоручик Синакевич подал прошение о вступлении в российское подданство и определении на военную службу. Выразил желание присягнуть на верность России капитан Петр Шервинский. В мае 1814 г. рядовые Антоний Будакович и Петр Никитович пожелали остаться в России и записаться по городу Харькову в мещане, а Юзеф Олаховский – поступить в казенные обыватели [33].

В заключение отметим, что, несмотря на все трудности и лишения, вызванные самим фактом пленения, положение солдат Великой Армии содержавшихся в Слободско-Украинской губернии было вполне удовлетворительным. Нами не обнаружен ни один факт враждебного или предубежденного отношения к ним, как со стороны властей, так и населения. Местные власти добросовестно выполняли возложенные на них в отношении пленных обязанности, снабжая последних всем необходимым и обнаруживая добрую волю в разрешении имевших порой место конфликтов и недоразумений.

Литература

1. Государственный архив Харьковской области (ГАХО). – Ф. 3. – Оп. 20. – Д. 20. – Л. 53.
2. Багалей Д., Миллер Д. История города Харькова за 250 лет его существования. В 2 т.: Т. 2. . – Х., 1912. – 973 с. С. 133.
3. ГАХО. – Ф. 3. – Оп. 19. – Д. 11. – Л. 6, 20.
4. Там же. – Л. 41, 45.
5. Там же. – Д. 15. – Л. 33, 39, 54.
6. Там же. – Д. 16. – Л. 48—553.
7. ГАХО. – Ф. 3. – Оп. 20. – Д. 20. – Л. 53—74.
8. Там же. – Оп. 119. – Д. 15. – Л. 54.
9. Багалей Д., Миллер Д. История города Харькова за 250 лет его существования. В 2 т.: Т. 2. . – Х., 1912. – 973 с. – С. 114.
10. Там же. – С. 2.
11. Там же. – С. 92.
12. Там же. – С. 93.
13. ГАХО. – Ф. 3. – Оп. 23. – Д. 307. – Л. 60, 61; Оп. 20. – Д. 8. – Л. 58.
14. Там же. – Оп. 19. – Д. 800. – Л. 117.

15. Там же. – Л. 128, 129.
16. Там же. – Л. 88.
17. Там же. – Д. 12. – Л. 81.
18. Там же. – Оп. 20. – Д. 101. – Л. 76—78.
19. Там же. – Оп. 20. – Д. 182. – Л. 1.
20. Там же. – Д. 59. – Л. 5, 6, 18.
21. Там же. – Оп. 19. – Д. 12. – Л. 33; Д. 13. – Л. 26; Д. 14. – Л. 59.
22. Там же. – Д. 13. – Л. 52, 53.
23. Там же. – Оп. 20. – Д. 59. – Л. 1—7.
24. Там же. – Оп. 19. – Д. 4. – Л. 3, 4.
25. Там же. – Л. 6—8.
26. Там же. – Оп. 20. – Д. 32. – Л. 2—8.
27. Там же. – Д. 145. – Л. 8.
28. Там же. – Оп. 19. – Д. 13. – Л. 90, 91.
29. Сироткин В.Г. Судьба французских солдат в России // Вопросы истории. – 1974. – № 3. – С. 129—136; Иванов К.В. Французы-казаки // 185 лет Отечественной войне 1812 года: Сб. ст. – Самара, 1997. – С. 91—95.
30. ГАХО. – Ф. 3. – Оп. 19. – Д. 12. – Л. 27, 114; Д. 800. – Л. 118.
31. Там же. – Оп. 23. – Д. 534. – Л. 13, 14.
32. Там же. – Оп. 25. – Д. 86. – Л. 40; Оп. 23. – Д. – 409. – Л. 43.
33. Там же. – Оп. 20. – Д. 3. – Л. 27—36.

S. Potraszkw, *Polscy jeńcy wojenni z czasów wojen napoleońskich (lata 1812—1815) w Charkowie i guberni charkowskiej*

W archiwum województwa charkowskiego znajduje się spora liczba dokumentów, dotyczących losów polskich jeńców, walczących z Rosją u boku „Wielkiej Armii” Napoleona. Liczba polskich wojskowych, na czele z generałem Dominikiem Dziewanowskim, skierowanych na internowanie do guberni charkowskiej, wynosiła w 1813 r. około 300 żołnierzy. Przebywali oni w różnych miejscowościach guberni bez możliwości kontaktowania się tak ze światem zewnętrznym, jak i z miejscowymi mieszkańcami. Długie odosobnienie, brak kontaktów z rodziną i krewnymi, a wreszcie bezczynność „ludzi wojny”, według zachowanych źródeł, bardzo źle wpływała na żołnierzy. Stąd często wybuchały pomiędzy nimi pijackie awantury, a także pojedynki, karane surowo przez sąd wojskowy. Zdarzały się także wypadki ucieczek jeńców. Wszystkie, o których mówią dokumenty, zakończyły się ujęciem i surowym ukaraniem zbiegów – za próbę ucieczki wywożono jeńców na daleką Syberię.

Po zakończeniu działań wojennych w maju 1814 r. rozpoczęła się repatriacja jeńców na ziemię polskie, zakończona w sierpniu 1815 r.